СЛОВО

на

ПРЕДПРІЯТОЕ

съ

БЛАГОПОЛУЧНЫМЪ УСПѢХОМЪ

ПРИВИВАНІЕ ОСПЫ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ.

ГОВОРЕНО

въ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОМЪ

Императорскаго Московскаго

Университета

ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ,

КРАСНОРѢЧІЯ ПРОФЕССОРОМЪ

АНТОНОМЪ БАРСОВЫМЪ

Ноября 10. дня, 1768. года.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ

Университетѣ.

* * *

Естьли бы кто въ сіи дни вновь пришедшій явился между нами: то узрѣвъ написанную у всѣхъ на лицахъ радость, и слыша вездѣ благодарственныя моленія и взаимныя поздравленія, видя вездѣ съ великолѣпіемъ происходящія торжества и увеселенія, конечно представилъ бы себѣ, что великая и важная причина тому быть долженствуетъ; но сколь оная отмѣнна и чрезвычайна новостію, то не скоро постигнуть могъ бы онъ догадкою своею. Ибо по истиннѣ новое и чрезвычайное есть то происшествіе, которымъ какъ все Отечество Россійское, такъ вопервыхъ царствующій и первопрестольный градъ сей къ толикимъ оказаніямъ радости, благодарствія и поздравленія побуждается. И хотя всякой день благополучнаго и преславнаго

го царствованія ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ и САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ особливымъ какимъ либо дѣйствіемъ попеченія Ея о всеобщемъ нашемъ благосостояніи означается; но предпріятое оною и щастливо оконченное прививаніе оспы конечно составляетъ величайшее къ намъ Ея благодѣяніе, поелику онымъ всѣ Ея и наши опасности и страхи о дражайшемъ здравіи вселюбезнѣйшія Матери Отечества съ сей стороны прекращены и уничтожены. Достойно убо и праведно высокоучрежденныя здѣсь правительства, церковное сословіе, жителей всѣхъ множество, всякой возрастъ и полъ торжествуютъ объ ономъ и веселятся. Но въ такомъ всеобщемъ радованіи, сей въ жилище Музамъ устроенный храмъ, сей для распространенія въ Россіи наукъ отъ Императорскихъ щедротъ учрежденный Императорскій Университетъ, въ разсужденіи особливаго высочайшаго покровительства премудрыя нашея Монархини, подъ которымъ онъ нынѣ состоитъ и впредь процвѣтать уповаетъ, долженъ принимать особливое участіе. А какъ оное изъявить въ сей день предъ высокопочтеннѣйшимъ Вашимъ собраніемъ препоручено мнѣ, то при са́момъ приступленіи къ сему, вопервыхъ долженствую

ствую я, не столько наблюдая обычай и правила Риторовъ, сколько въ самомъ дѣлѣ чувствуя недостаточество будущей о томъ рѣчи моей, просить Васъ, дабы краткость и скудость оной благосклонностїю своею извинить Вы благоволили; хотя впрочемъ, естьли бъ я, слѣдуя обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ изобрѣтенїямъ витїйскимъ, хотѣлъ пуститься въ пространное поле высокихъ добродѣтелей и качествъ Всевысочайшїя тоя Особы, которой въ честь сїе торжественное собранїе учинено, то бъ слово мое не только довольное но и излишное пространство удобно получить могло. Но какъ всякой усмотрѣть можетъ, что въ геройскомъ ономъ дѣйствїи преславныя Монархини нашея, чрезъ которое нынѣ Россїя вторично Ею спасенна, изъ добродѣтелей Ея первенствовали *любопь* Ея къ Россїйскому Отечеству, и мужественное *пеликодушїе*, то къ онымъ я и рѣчь мою обращу, дабы показать, что первыя побужденїямъ наичувствительнѣйшая благодарность, а втораго благополучному успѣху радостное и всеусерднѣйшее поздравленїе отъ насъ долженствуется.

Естьли бъ мы, съ самаго воспрїятїя всероссїйскаго престола ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, какъ чрезъ самое оное воспрїятїе, такъ и чрезъ послѣ-

 дован-

довавшїе потомъ и непрерывно продолжающїеся труды Ея, подвиги и попеченїя о всеобщемъ благополучїи нашемъ, не были совершенно удостовѣрены о Ея къ намъ истинно Матерней и паче нежели Матерней любви; то сїе преважное происшествїе само собою удостовѣрило бъ насъ объ ономъ не сумнительно. Ибо въ разсужденїи самыхъ особенныхъ и собственныхъ обстоятельствъ, позволено, надѣюсь, безъ дерзости, полагать въ Монархахъ такїя основанїя мыслей, какъ во всякомъ благоразумно и осторожно о дѣлахъ своихъ разсуждающемъ не непросвѣщенномъ человѣкѣ. Но захочетъ ли большая часть изъ таковыхъ, для избѣжанїя неизвѣстнаго зла, лишиться извѣстнаго добра? и для отвращенїя болѣзни, о которой кто не извѣстенъ, будетъ ли онъ ей когда подверженъ, и какъ она жестока или легка будетъ, согласится ль сколько нибудь нарушить вожделѣнное своего здравїя состоянїе, которымъ дѣйствительно пользуется? Не удовольствуется ли лучше нѣкоторыми предохранительными средствами, и по большей мѣрѣ всевозможнымъ удаленїемъ отъ тѣхъ мѣстъ, которыя таковой подлежатъ опасности? и не почтетъ ли еще за щастїе сїе невѣденїе сїе непредвидѣнїе себѣ какого либо зла или какой болѣзни? Простительны такїя

кія мысли тѣмъ, которые при посредственномъ духѣ не имѣютъ, или не хотятъ, пещися о комъ иномъ кромѣ себя самихъ. А сердце мужественнѣйшія въ свѣтѣ Государыни, которая и самыя дѣйствительно предстоящія бѣдствія презирала, могло ль больше другихъ поколебаться отъ чего неизвѣстнаго? Но пламенѣющая въ ономъ къ Россійскому Отечеству любовь малую для Нея собственно опасность представила Ей въ томъ великомъ видѣ, въ которомѣ оная должна была являться вѣрнымъ Ея подданнымъ. И такъ для насъ чадолюбивѣйшая Матерь имѣла извѣстное оное безпрестанное опасеніе, для насъ употребляла всѣ предосторожности и съ мѣста на мѣсто переѣзды, для насѣ обязанною почла Себя удалиться отъ Своего обыкновеннаго пребыванія въ царствующемъ Санктпетербургѣ, нашихъ душъ беспокойствомъ духъ Ея былъ обеспокоенъ, наши страхи и безъизвѣстность объ опасаемомъ Ей приключеніи оспяной болѣзни были Ей наиболѣе несносны! Не можемъ ли мы представить себѣ, коль многократно Она къ Творцу всѣхъ и всѣхъ жизни Подателю и Обладателю, котораго благости избавленіе свое нынѣ отъ сихъ страховъ благочестивымъ и благодарнымъ сердцемъ приписываетъ, въ продолженіе оныхъ для насъ простирала свои руки, и симъ или сему подобнымъ образомъ возвывала:

зывала: Доколѣ Господи положу совѣты въ души моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ день и нощь! Не ужѐ ли попустишь Ты, чтобъ сія, подъ Твоимъ милосердіемъ сохраненная Мною, и чрезъ безчисленные труды и попеченія Мои наиболѣе въ цвѣтущее состояніе приведенная, пространная свѣта часть отъ распространенія сей язвы на долгое время осталась въ семъ смущеніи, беспокойствѣ и безъизвѣстности! Проникли небо сіи сердечные гласы и оттуда не тщи возвратились; но благъ совѣтъ Матерней Ея къ намъ любви принесли и вдохнули, чтобъ въ противность обыкновенныхъ разсужденій призвать въ помощь и употребить природное ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА мужество и великодушіе.

Къ толь великому предпріятію конечно не ме́ньшее того и требовалось великодушіе, какъ каковое въ великой Государынѣ нашей весь свѣтъ съ удивленіемъ признаваетъ и превозноситъ. Ибо предметомъ къ тому быть имѣла хотя не змія и не гидра, съ которыми остроумные стихотворцы не токмо Героевъ своихъ, но и боговъ сражаться заставляютъ; однакожъ такая болѣзнь, которая составлена будучи изъ многихъ, не меньше змїинаго смертоносной ядъ въ себѣ имѣетъ, и симъ

въ самыя внутренности внѣдривается и всю кровь заражаетъ, которая знатной части рода человѣческаго совершенное истребленїе на свой счетъ беретъ, а еще больше того оставляетъ увѣчными, зрѣнїя отчасти или и совсѣмъ лишенными, безобразными, страшными, или по крайней мѣрѣ не столько прїятными взору какъ прежде были, и которая потому всѣмъ адскимъ чудовищамъ по справедливости уподоблена быть, особливо жъ противу прелестей прекраснаго по́ла презлѣйшею фурїею назваться можетъ. Были многїе изъ древнихъ Философовъ, которые терпѣнїе въ приключающихся иногда болѣзняхъ тѣла сравнивали съ трудами, подвигами и ранами воинскими, и оному не ме́ньшую сихъ похвалу присвояли: но сколько умножили бы они своего почтенїя къ сему геройства роду, ежели бъ до свѣдѣнїя ихъ дошло самопроизвольное для пользы Отечества допущенїе кѣмъ къ себѣ такой болѣзни, которая иногда плачевнѣйшїя имѣетъ слѣдствїя? Не уравнилиль бы они такого со всѣми въ ихъ времена прославляемыми воинами и героями, которые изъ любви къ своему Отечеству жертвовали ему своею жизнїю, подвергая оную всякимъ опасностямъ, въ укрощенїи и истребленїи ядовитыхъ чудовищъ и лютыхъ звѣрей, или во удержанїи и отбитїи враждующихъ и войною наступаю-

щихъ народовъ. Звѣрь есть сей наилютѣйшїй, чудовище преужасное, котораго достославная Героиня наша приласкать къ Себѣ отважилась, и тѣмъ его побѣдила, толь съ вящшею славою, чѣмъ паче опасность сего предпрїятїя усугублялась, не только суровостїю почти ужѐ зимняго времени, когда впрочемъ и самые выгодные мѣсяцы въ году̀ не безъ великой осторожности къ тому употребляются; побѣдила, говорю я, тѣмъ съ вящшею славою, чѣмъ паче опасность усугублялась, не только суровостїю сего времени, но и числомъ собственныхъ лѣтъ Ея средовѣчныхъ, которыя какъ къ произведенїю другихъ великихъ дѣлъ наиприличнѣйшими быть доказываются, собственнымъ примѣромъ премудраго **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** государствованїя и премногими Ея высокославными дѣлами, предпрїятїями и намѣренїями, такъ къ перенесенїю таковыхъ болѣзней за наименьше способныя почитаются. И тако какъ во многомъ, такъ и въ семъ превзошла великодушная наша Монархиня многихъ храбрыхъ мужей, которые сильны, бодры и побѣдительны бываютъ противъ наижесточайшихъ непрїятелей, сражающихся съ ними въ войнахъ; но по наибольшей части въ унынїе, въ робость и малодушїе приходятъ отъ са-

мыхъ неважныхъ случающихся имъ болѣзненныхъ припадковъ.

Такимъ-то образомъ видимъ мы очевидное надъ нами событїе древняго онаго изреченїя, что какъ изъ прїятныхъ происшествїй раждаются иногда противныя, такъ часто изъ противныхъ выходятъ слѣдствїя прїятныя, которыя чрезъ сїе самое любезнѣе еще бываютъ, какъ на прикладъ по войнѣ миръ, по ненастїи и бурѣ тишина мо́ря и ясность неба. Ибо естьли бъ напередъ не чувствовано было оныхъ страховъ, беспокойствъ, безъизвѣстностей, то бъ не столько нынѣ чувствовали мы благонадежности и веселїя, съ которымъ ничто въ свѣтѣ сравниться не можетъ, и котораго мы весь свѣтъ нынѣ свидѣтелемъ имѣть желаемъ. И хотя мы паче всего стараться долженствуемъ, чтобъ о всеусерднѣйшемъ нашемъ сорадованїи въ томъ и наичувствительнѣйшей благодарности увѣрена была воспричинствовавшая оныя великодушная и неустрашимая Монархиня, чадолюбивѣйшая всего Россїйскаго Отечества Матерь, всемилостивѣйшая Государыня наша. Но къ сему всѣ наши слова̀ и изъясненїя, сколь ни истинны оныя суть и искренны, не могутъ столько быть способны, какъ драгоцѣннѣйшїй залогъ собственныхъ Ея къ намъ щедротъ и благодѣянїй, которыя Она по смиренномудрїю

мудрїю Своему сколь мало оцѣнять ни будетъ, однако не можетъ не признать ихъ величайшими и по большей части безпримѣрными, а Себя потому совершенно достойною, чтобъ вѣрные подданные Ея истинно Монаршее великодушїе Ея всему предпочитали и Матернюю любовь Ея къ нимъ любили, и слѣдственно были бъ всѣмъ сердцемъ радостны о Ея благопоспѣшенїи и съ благодарностїю чувствительны къ неутомленнымъ Ея попеченїямъ о ихъ безопасности, спокойствѣ и изобилїи. И такъ намъ остается только молить Всевышняго, о умноженїи лѣтъ Ея по числу Ея къ намъ благодѣянїй, о соблюденїи отъ Него жъ Самаго даннаго Ей добродѣтельнаго сердца, и о сохраненїи въ вожделѣнномъ здравїи и всякомъ преуспѣянїи любезнѣйшаго Ея Сына, надежды и утѣшенїя нашего, *Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича* и *Великаго Князя* ***ПАВЛА ПЕТРОВИЧА***.

Напослѣдокъ Вамъ, высокопочтеннѣйшїе Слушатели, когда Вы свое усердїе съ нашимъ сообщить и сїе торжественное собранїе желаннымъ присутствїемъ Вашимъ толь благоохотно почтить изволили, именемъ сего Императорскаго Университета должнѣйшее приношу благодарствїе.

